

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ ПРИМЕНЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ

В. ГУЦУЛЯК,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры „Публичное право”, ULM

SUMMARY

In this publication, the Contravention of Law of the Republic of Moldova, which is in force from May 31st, 2009, is submitted to a juridical analysis. The chief aim consists in the study of the legal system of application of administrative-judicial norms. The author brings arguments for the necessity to modify the above mentioned law and comes with definite suggestions.

* * *

В предыдущих номерах журнала автор излагал некоторые соображения относительно Кодекса Республики Молдова о правонарушениях. В настоящей публикации предпринимается попытка дальнейшего развития изложенных ранее мыслей по обсуждаемой проблеме через механизм проведения отдельных административно-правовых норм и отдельных административно-правовых институтов.

Реальное состояние правопорядка в стране предопределено результатами деятельности уполномоченных на то органов, осуществляющих правотворческую, правоохранительную и правоприменительную функции. Органы, занимающиеся правотворческой деятельностью, обязаны своевременно реагировать на происходящие изменения в состоянии деликвентности¹ путем разработки и принятия качественных юридических актов и, в первую очередь, законов. Органы, реализующие правоохранительную функцию, должны осуществлять надзорную деятельность за неукоснительным соблюдением правил поведения, предписанных административно-правовыми нормами, применяя различные формы и методы убеждения, склонять всех субъектов административного права к правоупотреблению поведению, тем самым предупреждая нарушение норм права, своевременно пресекать посягательства на охраняемые законом ценности для минимизации возможных вредных последствий. Органы, реализующие правоприменительную функцию, призваны, посредством предписаний административно-правовых норм, воздействовать на тех субъектов административного права, которые вступили в конфликт с предписаниями закона, путем применения к ним мер государственного принуждения в тех случаях, когда исчерпаны возможности убеждения, при этом строго соблюдая законность.

Трудно переоценить значимость каждой из названных функций. Все они весьма значимы. И, тем не менее, основой основ обеспечения в стране должного правопорядка является качество законодательной базы.

бликаций состояла в том, чтобы обратить внимание всех тех субъектов, которые обязаны заниматься борьбой с деликвентностью, и, в первую очередь, законодательного органа, на существующие, на наш взгляд, проблемы в названном законе. Относительно качества данного закона высказывались и другие специалисты в области административного права.⁴ Прошло уже 7 месяцев со дня вступления в законную силу указанного юридического акта, однако какой-либо реакции законодательного органа на данные публикации нет.

Анализируя семимесячную практику применения названного закона, автор еще больше убедился в правоте предыдущих рассуждений относительно его совершенства, более того, может констатировать отсутствие механизма реализации отдельных норм указанного закона. Отдельные юридические нормы не способствуют совершенствованию правоохранительной и правоприменительной функций, а, скорее всего, усложняют их реализацию. Тем самым, они не усовершенствов-

Ранее, на страницах данного журнала,² мы уже излагали некоторые соображения относительно „Кодекса Республики

Молдова о правонарушениях”.³ В тех публикациях мы не претендовали на истину в последней инстанции. Цель тех пу-

вали правовой механизм борьбы с деликventностью, а скорее наоборот. Качество отдельных административно-правовых норм уступает качеству аналогичных норм прежнего закона.⁵ Чем позже законодательный орган обратит внимание на качество анализируемого закона, тем более значимым будет ущерб, причиненный делу борьбы с деликventностью, которая является сырьевой базой для преступности.

В настоящей публикации предпринимается попытка дальнейшего развития изложенных ранее мыслей по обсуждаемой проблеме через механизм применения отдельных административно-правовых норм и отдельных административно-правовых институтов.

1. Анализ практики правоохранительной и правоприменительной деятельности органов, осуществляющих охрану общественного порядка и обеспечивающих общественную безопасность, подтверждают чрезмерную, на наш взгляд, либерализацию карательной политики государства за виновное совершение административных правонарушений. *Во-первых*, необоснованным и нецелесообразным является изменение возраста, с которого наступает административная дееспособность с 16 лет (по прежнему закону) на 18 лет. Как уже отмечалось ранее, во всех странах постсоветского пространства и других странах мира административная ответственность наступает с 16 летнего возраста, а по некоторым категориям

административных правонарушений и с 14 лет. Следовательно, правоохранительные органы лишены правового механизма воздействия на сознание лиц, склонных к совершению правонарушений, в раннем возрасте в целях их ресоциализации. *Во-вторых*, санкции отдельных материальных норм, по мнению автора, не соответствуют степени общественной опасности посягательства на социальные ценности, охраняемые диспозициями этих норм. Например, в прежнем законе санкции 23-х материальных норм предусматривали такое наказание как **административный арест**, в новом законе данный вид наказания содержится в санкциях только 13-ти норм. Представляется абсолютно неоправданным отказ законодателя от применения административного ареста по таким составам административных правонарушений как: незаконное приобретение или хранение наркотических или иных психотропных веществ в малых размерах либо потребление таких веществ без назначения врача (ст. 85 КоАП); доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения, вызванного алкоголем или иными веществами (ст. 88); злонамеренное неподчинение законному распоряжению или требованию сотрудника правоохранительных органов (ст. 336); появление в общественных местах в состоянии опьянения, вызванного алкоголем или другими веществами (ст. 355 ч. 2); занятие проституцией (ст. 89).

Общеизвестно, что суровость санкции конкретной материаль-

ной нормы должна быть соразмерной значимости охраняемых социальных ценностей и степени общественной опасности посягательства на эти ценности.

Однако, изменение государственной политики по применению государственного принуждения по отдельным составам правонарушений не поддается логическому пониманию, противоречит общепризнанным принципам. Например, ст. 171/1 „Занятие проституцией” Кодекса об административных правонарушениях имела редакцию: „Занятие проституцией – влечет наложение штрафа в размере от пятидесяти до семидесяти пяти условных единиц или **административный арест сроком до двадцати суток**.”

Те же действия, совершенные повторно в течение года после наложения административного взыскания, - влекут наложение штрафа в размере от семидесяти пяти до ста условных единиц или **административный арест на срок до тридцати суток**”.

В новом Кодексе аналогичная норма (ст. 89 КоАП) предписывает:

„(1) Занятие проституцией, - влечет наложение штрафа в размере от 10 до 20 условных единиц.

(2) Лицо, привлеченное к занятию проституцией вопреки своему желанию, освобождается от ответственности за правонарушение”.

Так, неужели степень общественной опасности данного деяния упала соразмерно степени гуманизации санкции? Полагаем, что нет!

2. Представляется несовер-

шенной и система видов административных взысканий, применяемых к физическим лицам. По сравнению с прежним законом, в новом Кодексе не содержатся такие меры взыскания как: возмездное изъятие предмета, явившегося орудием совершения или непосредственным объектом административного правонарушения, и конфискация предмета, явившегося орудием совершения или непосредственным объектом административного правонарушения (которые содержатся в Кодексах об административных правонарушениях всех стран постсоветского пространства). Данное обстоятельство весьма затрудняет процесс администрирования собранными доказательствами по делу об административном правонарушении и, особенно, вещественными доказательствами.

В то же время, в новом Кодексе появились новые виды взысканий, применяемые к физическим лицам, такие как: начисление штрафных очков (ст. 36 КоАП); лишение права осуществлять определенную деятельность и лишение права занимать определенные должности (ст. 35); неоплачиваемый труд в пользу общества (ст. 37).

Из новых видов взысканий только два (начисление штрафных очков и неоплачиваемый труд в пользу общества) могут быть применены за совершение правонарушений, посягающих на общественный порядок, на общественную безопасность, на здоровье и иные конституционные права граждан, на установленный порядок управления и т. д.

В анализируемом законе, в санкциях многих норм права, четко просматривается замена административного ареста неоплачиваемым трудом в пользу общества. Однако, если руководствоваться предписаниями части (3) ст. 37 Кодекса о том, что: „Неоплачиваемый труд в пользу общества может быть применен только к лицам, **давшим согласие на исполнение такого наказания**, - подч. авт. – В. Г.”, то можно предположить, что данная норма права практически работать не будет, то есть будет „мертвой”. Следовательно, по большинству составов административных правонарушений названной выше группы, в качестве меры правого принуждения к лицам, виновно их совершившим, практически остаются такие виды административных взысканий как: предупреждение, штраф, начисление штрафных очков водителям и лишение специального права.

В то же время, абсолютно не понятна позиция законодателя относительно возможного применения к несовершеннолетним правонарушителям (часть (2) ст. 16 КоАП) **административного ареста**. В прежнем законодательстве было четко предписано: „Административный арест не может применяться к беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до двенадцати лет, к лицам, **не достигшим 18 лет**, - подч. авт., В. Г. -, к инвалидам первой и второй групп, к военнослужащим и призванным на сборы военнообязанным, а также лицам рядового и начальствующего состава органов внутренних дел”.⁶

Аналогичная норма нового закона,⁷ с одной стороны, расширила перечень лиц, к которым данная мера наказания не может быть применена. В то же время, упоминание о несовершеннолетних в ней не содержится. Руководствуясь принципом: „Все то, что не запрещено – разрешено”, получается что, согласно новому закону, по тем правонарушениям, по которым лица в возрасте от 16 до 18 лет являются субъектами административной ответственности, к ним может быть применен административный арест. Данная юридическая коллизия особенно актуальна для тех материальных норм права, в которых санкции не предоставляют органу, принимающему решение о применении меры наказания, вариантов выбора решения. Например, часть (5) ст. 231 КоАП предусматривает: „Управление транспортным средством лицом, не имеющим при себе водительского удостоверения и находящимся при этом в состоянии опьянения, вызванного алкоголем, если деяние не является преступлением, влечет назначение наказания **в виде ареста за правонарушение на срок 15 дней**”.

Значит, судья, рассматривающий такое дело об административном правонарушении, имеет единственный вариант решения – „**арест за правонарушение на срок 15 дней**”.

Такую неопределенность законодателя по данной проблеме полагаем абсурдной, особенно на фоне общей гуманизации нового Кодекса.

3. Редакция диспозиций от-

дельных материальных норм является таковой, что они мало чем будут полезны в борьбе с деликventностью, а отдельным из них вообще суждено быть практически „мертвыми”, то есть малоприменяемыми. Например, диспозиция ст. 354 „Мелкое хулиганство” имеет редакцию: „Мелкое хулиганство, то есть оскорбительные приставания в общественных местах к физическим лицам, другие подобные действия, нарушающие нормы морали, общественный порядок и спокойствие физических лиц,

- влечет наложение штрафа в размере от 10 до 50 условных единиц или назначение наказания в виде неоплачиваемого труда в пользу общества на срок от 20 до 60 часов”. Исходя из данной формулировки, можно предположить, что противоправными и наказуемыми являются только оскорбительное приставание и иные подобные деяния, посягающие на честь, достоинство и иные права физических лиц. А как быть в тех случаях, когда нецензурная брань в общественных местах и иные подобные деяния не адресованы конкретным физическим лицам, когда нет прямого посягательства на честь и достоинство конкретного физического лица? Подобные деяния образуют состав мелкого хулиганства или нет?

Еще более наглядным аргументом тезиса о расплывчатой формулировке отдельных административно-правовых норм, на наш взгляд, является редакция диспозиции ст. 355 „Распитие спиртных напитков в общественных местах и появле-

ние в таких местах в состоянии алкогольного опьянения”, часть (2) которой гласит: „Появление в общественных местах в состоянии опьянения, вызванного алкоголем или другими веществами, *при котором лицо потеряло способность передвигаться самостоятельно*, - подч. авт. – В. Г., - влечет наложение штрафа в размере от 10 до 20 условных единиц или назначение наказания в виде неоплачиваемого труда в пользу общества на срок от 40 до 60 часов”.

Значит, пока лицо, находящееся в состоянии опьянения, передвигается самостоятельно (даже если на „четвереньках”), в его деяниях нет объективной стороны состава правонарушения, предусмотренного частью (2) ст. 355 КоАП. Резонно напрашивается вопрос: „В какой момент лицо, находящееся в общественном месте в пьяном состоянии и предрасположенное к совершению правонарушений, представляет наибольшую опасность: когда оно, будучи под воздействием алкогольного дурмана, но еще способное самостоятельно передвигаться, может посягнуть на охраняемые законом социальные ценности, или когда данное лицо утеряло способность передвигаться самостоятельно?” Автор данной публикации, исходя из многолетнего опыта правоохранительной и правоприменительной деятельности, не может припомнить случая, когда лицо, потерявшее способность самостоятельно передвигаться вследствие алкогольного опьянения, посягнуло бы на какие-либо охраняемые законом цен-

ности, то есть, совершило бы какое-либо правонарушение.

Эта категория лиц сама может стать объектом противоправного посягательства. Ни для кого они уже не представляют общественной опасности, даже наоборот, сами нуждаются в помощи со стороны правоохранительных органов. Правомерно возникает и другой вопрос: „Кто, какая служба должны заниматься данной категорией лиц?” Тем более, что служба медицинских вытрезвителей ликвидирована.

До сих пор нет юридическо-го механизма реализации предписаний ст. 447 КоАП „Квитанция об уплате штрафа на месте констатации правонарушения”, которая предписывает:

„(1) В случае, предусмотренном пунктом а) части (1) статьи 446, правонарушитель уплачивает наложенный на него констатирующим субъектом штраф и получает соответствующую квитанцию, в которой содержатся:

а) дата, время и место уплаты штрафа;

б) фамилия, имя и место жительства лица, на которое наложен штраф;

в) фамилия, имя и должность констатирующего субъекта, представляемый им орган;

г) норма о правонарушении, на основании которой налагается штраф;

д) сумма штрафа;

е) подписи сторон.

(2) Квитанция об уплате штрафа за правонарушение вручается лицу, на которое наложен штраф, о чем делается отметка в копии квитанции.

(3) Квитанция об уплате

штрафа за правонарушение является документом строгой отчетности. Порядок учета, хранения и выдачи квитанций констатирующим субъектом устанавливается положением, утвержденным Правительством”.

Отметим, что прошло более семи месяцев со дня вступления в законную силу Кодекса, однако Положения о порядке учета, хранения и выдачи квитанций констатирующим субъектом еще нет. Более того, представляется, что исходя из реального состояния уровня общей и правовой культуры общества в целом, и представителей констатирующих субъектов, в первую очередь, уровня их материальной и социальной обеспеченности, уровня профессиональной подготовки данной категории лиц, **мы не готовы к реализации такой формы исполнения наказания, то есть, к уплате штрафа на месте совершения правонарушения с выдачей квитанции**, пусть даже строгой отчетности и под жесточайшим контролем со стороны уполномоченных на то органов и их должностных лиц.

4. Первоочередной, на наш взгляд, является необходимость ревизии содержания Главы V Книги второй Кодекса „Меры процессуального принуждения”.

Можно сделать однозначный вывод относительно несовершенства юридического механизма деятельности по пресечению противоправных деяний и по осуществлению производства по делу о совершенном административном правонарушении.

В прежнем законе⁸ суще-

ствовала юридическая норма, регламентирующая основание и порядок доставления правонарушителя в помещение правоохранительного органа. Данная юридическая норма предоставляла право правоохранительным органом доставлять в служебные помещения лиц, совершивших административные правонарушения, для дальнейшего разбирательства и принятия решения, строго соблюдая при этом **три условия**: наличие совершенного события правонарушения (объект и объективная сторона), правонарушения, по которому составление протокола об административном правонарушении обязательно, и если данный протокол невозможно составить на месте совершения правонарушения. Согласно тому же закону,⁹ задержание лица, совершившего административное правонарушение, могло иметь место после его доставления, а срок задержания исчислялся с момента доставления.

Наличие такого юридического механизма позволяло правоохранительным органам и, в первую очередь, органам полиции, успешно осуществлять деятельность по пресечению противоправных антиобщественных деяний и более качественно осуществлять расследование по делу.

Ныне действующий Кодекс не содержит такого юридического института как „доставление правонарушителя”. Можно предположить, что разработчики нового закона и сам законодатель полагают, что изначально имеет место „задержание правонарушителя”, которое

может быть сопряжено с его последующим доставлением в помещение правоохранительного органа. Фактически это так: „задержание” является первичным, „доставление задержанного лица” – вторичным. Но, в данном случае, следовало было более полно и реально рассмотреть *основания задержания*, тем самым предоставив правоохранительным органам юридический механизм для выполнения обязанностей по пресечению правонарушений. В подтверждение изложенному выше тезису, обратимся к содержанию соответствующей нормы права. Часть (1) ст. 433 КоАП предусматривает: „Задержание состоит в кратковременном ограничении свободы физического лица и применяется в случае:

а) явных правонарушений, за которые настоящим кодексом предусмотрено наказание в виде ареста за правонарушение;

б) невозможности установления личности лица, в отношении которого возбуждено производство о правонарушении, если исчерпаны все меры к установлению личности;

в) правонарушений, подпадающих согласно настоящему кодексу под применение меры безопасности в виде выдворения”.

Допустим, что физическое лицо совершило в общественном месте хулиганский поступок, т. е. правонарушение, предусмотренное ст. 354 КоАП. В целях пресечения данного правонарушения сотрудник правоохранительных органов неоднократно предъявляет лицу, его совершившему, законное требование

о прекращении противоправного деяния, на которое правонарушитель не реагирует, совершая при этом второе правонарушение – злостное неподчинение законному распоряжению или требованию сотрудника правоохранительных органов (ст. 336 КоАП). Согласно Закону о полиции,¹⁰ любой ее сотрудник в подобном случае обязан предпринять меры по пресечению противоправного поведения.

Каким же образом сотрудник полиции может исполнить данную служебную обязанность? Ясно, что только путем изоляции правонарушителя из общественного места. Но для этого требуется осуществить его задержание. Однако, санкции статей 336 и 354 КоАП не предусматривают в качестве наказания ни административный арест и ни выдворение. Значит, основания задержания, предусмотренные ст. 433, часть (1) пункты а) и в), отпадают. Остается одно единственное основание – невозможность установления личности лица, в отношении которого возбуждено производство о правонарушении, если исчерпаны все меры к установлению личности (ст. 433, ч. (1) п. б)). А как быть в тех случаях, когда правонарушитель предъявит документ, удостоверяющий его личность? Значит юридического основания для задержания такого лица, согласно Кодексу, нет. Еще больше усложняется ситуация в случае если данное лицо не достигло 18-летнего возраста и поэтому не является субъектом административной ответственности по данным составам правонарушений.

Странной и лишенной логической последовательности является, по нашему мнению, редакция части (4) ст. 435 „Срок задержания и условия лишения свободы”. Эта норма предписывает: „Лица, совершившие мелкое хулиганство, ..., злостно не выполняющие законные распоряжения или требования прокурора, офицера по уголовному преследованию, офицера информации и безопасности, сотрудника органов внутренних дел или иного лица, выполняющего служебный или общественный долг по обеспечению безопасности государства, поддержанию общественного порядка и борьбы с преступностью, ... могут быть задержаны органом, уполномоченным рассматривать дела о правонарушениях”. При этом законодатель не указывает срок задержания. Однако, исходя из содержания частей (1), (2) и (3) той же нормы права, можно полагать, что такой правонарушитель может быть задержан до рассмотрения дела о правонарушении. В данном случае нет ясности: *во-первых*, как уже излагалось выше, согласно предписаниям ст. 433 КоАП основания для задержания лица, совершившего какое-либо из указанных административных правонарушений, являются весьма ограниченными; *во-вторых*, такое лицо если и было задержано на основании невозможности установления его личности, то в этих целях, согласно ст. 435, часть (1), правоохранительный орган располагает максимум тремя часами. Дальнейшее содержание такого задержанного в правоохрани-

тельном органе будет незаконным, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Не менее загадочным является изложение в законе такого юридического института как *привод* (ст. 437 КоАП). Согласно части (1) данной нормы права: „Привод состоит в принудительном доставлении в судебную инстанцию свидетеля или потерпевшего, уклоняющегося от явки”. *Во-первых*, почему только в судебную инстанцию? А если дело об административном правонарушении рассматривается прокурором, либо констатирующим органом, либо административной комиссией и в отсутствие какого-либо из этих участников процесса невозможно установить объективную истину по делу? *Во-вторых*, если лицо, в отношении которого ведется производство об административном правонарушении, либо потерпевший или свидетель являются несовершеннолетними и их интересы представляют законные представители, они должны быть доставлены приводом в случаях нереагирования на вызов уполномоченного на то органа, или нет? Если да, то где соответствующее юридическое основание? *В-третьих*, абсолютно непонятна позиция законодателя относительно участия при рассмотрении дела лица, привлекаемого к административной ответственности. Исходя из содержания ст. 437 КоАП, принудительному доставлению данное лицо не подлежит.

Вместе с тем, часть (4) ст. 384 „Лицо, в отношении которого возбуждено производство о правонарушении” предпи-

сывает, что данное лицо обязано: являться по вызову органа, уполномоченного рассматривать дела об административном правонарушении (пункт а)), подчиняться законным распоряжением констатирующего субъекта и председательствующего в судебном заседании (п. е)).

В свою очередь, часть (5) ст. 382 КоАП „Вызов” предусматривает: „В случае неуведомления органа о невозможности явки в указанные в повестке день, час и место или в случае необоснованной неявки на лицо может быть наложен судебный штраф или оно может быть подвергнуто приводу”. По смыслу, положения ст. 382 КоАП распространяются на всех участников производства по делам об административных правонарушениях. Так, где же механизм реализации предписаний статей 382 и 384 КоАП? Без такого механизма они остаются декларативными. Почему положение о приводе, т. е. принудительное доставление (ст. 437 КоАП) распространяется только на свидетеля и потерпевшего?

5. По нашему мнению, нуждаются в доработке и уточнении процессуальные нормы, касающиеся распределения материальной компетенции по рассмотрению дел об административных правонарушениях. Например, как может являться компетенцией органов внутренних дел (ст. 400 КоАП) рассмотрение правонарушения, предусмотренного частью (3) ст. 230 КоАП, санкция которого предусматривает только наказание в виде лишения права управления транспортным сред-

ством на срок 1 год; либо правонарушения, предусмотренного частью (5) ст. 231 КоАП, санкция которого – арест на срок 15 суток; или правонарушения, предусмотренного ст. 233 КоАП, санкция которого – лишение права управления транспортным средством на срок 3 года и др. Какой смысл направлять административные дела данной категории в органы внутренних дел, если применение указанных видов наказания является исключительной компетенцией судебных инстанций? Или, как можно отнести и к компетенции прокурора рассмотрение правонарушения, предусмотренного ст. 336 КоАП, диспозиция которого имеет следующее содержание: „Злонамеренное неподчинение законному распоряжению или требованию прокурора, офицера по уголовному преследованию, офицера информации и безопасности, сотрудника органов внутренних дел, другого лица, находящегося при исполнении должностных обязанностей или общественного долга по обеспечению безопасности государства, поддержанию общественного порядка и борьбе с преступностью”. Значит, по данному виду правонарушений прокурорский работник довольно часто может иметь процессуальный статус „потерпевшего”, т. е. быть заинтересованной стороной производства по делу.

Уже сейчас, по результатам 7-месячной практики применения нового закона, возникла проблема относительно территориальной компетенции судов по замене одного вида наказания другим. Одни судьи счита-

ют, что это есть компетенция суда по месту совершения административного правонарушения, другие полагают, что это относится к компетенции суда по месту проживания правонарушителя.

6. Новый Кодекс об административных правонарушениях не регламентирует процедуру рассмотрения дела об административном правонарушении прокурором и административной комиссией, как равно и порядок обжалования решений, принимаемых данными органами.

7. Результаты анализа практики применения нового Закона также подтвердили абсурдность предписания об обязательном присутствии констатирующего субъекта в судебном заседании по делу (часть (2) ст. 455 КоАП). Трудно понять, почему неявка без уважительных причин констатирующего субъекта, вызванного в установленном законом порядке и заблаговременно не уведомившего судебную инстанцию о невозможности явки, влечет прекращение производства по делу с вынесением при необходимости определения. А такие же деяния со стороны лица, привлекаемого к ответственности, или со стороны потерпевшего не препятствуют рассмотрению дела (ч. (3) ст. 455 КоАП). Данное предписание закона вызывает определенные затруднения для судебных инстанций при рассмотрении дел об административных правонарушениях, а для констатирующих органов образует проблемы, которые практически не могут быть разрешены. За июнь-ноябрь месяцы прошлого года

только представители дорожной полиции республики около 10 тысяч раз были вызваны для участия в судебных заседаниях в качестве представителя констатирующего субъекта. Не трудно подсчитать огромные и нерациональные затраты людских и материальных ресурсов, связанные с необоснованной, нерациональной позицией законодателя об обязательном присутствии констатирующего субъекта в судебном заседании по делу об административном правонарушении.

Уважаемые Парламентарии! Откликнитесь на существующие уже мнения ученых и практиков по поводу государственной концепции в сфере борьбы с деликвентностью. Знаем проблемы, которые Вас сейчас волнуют. Но полагаем, что проблема состояния преступности и деликвентности в стране является не менее важной, чем проблема завершения формирования ветвей власти.

Чрезмерная гуманность государственной политики по применению принуждения к лицам, виновно игнорирующим предписания административно-правовых норм, несовершенство правового механизма его применения, не только не целесообразна, малоэффективна, но и губительна для общества. Например, применение мер государственного принуждения к 18-летнему (ей) юноше или девушке за потребление наркотических веществ без назначения врача, в случаях когда они приобщились к этому „зелью” начиная с 16-ти лет, лишено всякого смысла, производит эффект

„ушедшего поезда”. Такое лицо уже нуждается в медицинской помощи, а не в государственном принуждении.

Литература:

1. Правовой институт, включающий общее количество административных правонарушений, совершенных на определенной территории (стране, районе, муниципии, селе и т. д.) за определенный промежуток времени.

2. В. Гуцуляк, Е. Комарницкая. Юридический анализ Книги первой „Кодекса Республики Молдова о правонарушениях”. „Закон и жизнь”, апрель, 2009, стр. 4-9; В. Гуцуляк, Е. Комарницкая. Юридический анализ Книги второй „Кодекса Республики Молдова о правонарушениях”. „Закон и жизнь”, май, 2009, стр. 15-21.

3. Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 3-6 din 16 ianuarie 2009.

4. Б. Сосна, Ю. Здоров, А. Цыгэнэш. О некоторых достоинствах и недостатках нового Кодекса о правонарушениях. „Закон и жизнь”, сентябрь, 2009, стр. 12-16; Б. Сосна. О некоторых аспектах нового Кодекса о правонарушениях. „Закон и жизнь”, март, 2009, стр. 13-17; S. Furdul. Propunere privind aplicarea cursului de instruire juridică „Drept contravențional” –În: „Legea și viața”, aprilie, 2009, p. 4-5; S. Furdul. Propunere privind introducerea cursului de instruire juridică „Drept contravențional”. –În: Revista Națională de Drept, nr. 3, martie, 2009, p.30-31.

5. Кодекс об административных правонарушениях Республики Молдова от 29 марта 1985 г. –Ведомости Верховного Совета и Правительства МССР №3 от 1985 г., статья 47.

6. Кодекс об административ-

ных правонарушениях Республики Молдова от 29 марта 1985 г, ст. 31 ч. 2.

7. Кодекса Республики Молдова о правонарушениях от 24. 10. 2008, ст. 38 ч. (6).

8. Кодекс об административных правонарушениях Республики Молдова от 29 марта 1985 г, ст. 245.

9. Там же, ст. ст. 247-249.

10. Закон Республики Молдова о полиции № 416-XII от 18. 12. 1990 г., ст. 22, М. О. № 17 -19 /56 от 31. 01. 2002.

